

* * *

И — ушла... Высоко!

Высоко-высоко улетела,
Даже — радостно, прочь
от уставшего брэнного тела,
Своего, бесконечно родного и милого, но...
Ты так мало любила его и беречь не умела,
А оно тебе Богом для радости было дано.
Не купалась в росе...

К первым звукам заутренних звонов
Не спешила... В молитве упорно ленилась стоять,
И, себя поселив в стóэтажном колодце бетонном,
Ты уже не могла соловья на рассвете встречать.
Не купалась в озёрах, шуршащих водою шелкóвой,
Где кувшинок и лилий разлит ароматный елей,
Где в полнеба сиял молодой золотою подковой,
Всё стремилась зачем-то весь мир переделать скорей.
Небеса тебя звали, но ты всё куда-то летела,
Торопилась, спешила, вершила земные дела,
И угасло совсем без любви к себе хрупкое тело,
И душе надоело терпеть, вот она и ушла.
И ушла пошукать,

поискать неизведанной доли,
Она слышала много о том, что есть сказочный рай,
Где всего — сколько хочешь — покоя, и счастья, и воли,
Убиваться не надо в трудах за скупой урожай,
Там никто не предаст, не толкнёт, не обидит напрасно,
Там разлита любовь, от которой легко и светло!
Там беседуют души друг с дружкой безмолвно, бесстрастно,
Там живёт в каждой клеточке нашей святое тепло,
Там ни друг, ни сосед, ни родня — там блаженство витает,
Там нет страха, ни робости в наших движениях нет,
И тоска по земле постепенно проходит, и тает,
И нисходит на нет, и пройдёт через тысячу лет.

* * *

Мой дед был травник — лекарь хоть куда —
и внучку малолетнюю учил:
— Когда придёт в твою семью беда,
Ты вспомни, что и чем твой дед лечил.

Вот зверобой, как заболит живот,
по ложечке. А это — чистотел,
очистит тело. День Петров придёт,
сбери траву... А девясил поспел,

суши в тени, на воле, корешки.
Они излечат ото всех простуд...
— Ах, дедушка, — просила я, — скажи,
Какие травки, где они растут?

А коль душа болит? Ты покажи,
где от тоски трава, в какой глуши?
— Засохший лист в Писании лежит:
и весь ответ — спасение души.